

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений **ЩЕПЕТНОВ**

**ПУТЬ
САМУРАЯ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.
Щ56 Путь самурая / Евгений Щепетнов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-093477-5

Недавнее прошлое. Страна стремительно катится в пропасть. Разгул бандитизма и коррупции. Что делать? И в недрах спецслужб зреет проект... Участковый Каргин потерял семью и вместе со страной несется в ту самую пропасть, но вдруг «случайно» встречает человека, который с легкостью затыкает за пояс всех хваленых ниндзя. Начинаются изнуряющие, жестокие тренировки. Зачем? Какие уколы делает Каргину скрытный и странный знакомец по фамилии Сазонов? Ответ знает только сам Сазонов, а еще — те, кто за ним стоит...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093477-5

© Щепетнов Е.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Я постиг, что Путь Самурая — это смерть.
«Хагакурэ», трактат о Бусидо

Пролог

Хорошо! Солнце, ветерок, запах мокрой земли и цветов — сирень цветет! Я оглядываюсь на жену, потом смотрю на испачканное мороженым лицо Настюхи. На носу у нее смешная белая нашлепка — всю мордочку засунула в стакан!

Жизнь хороша, и жить хорошо! Я молод, здоров, у меня красивая жена, замечательная дочка — чем не жизнь?! И хочется петь! Что петь? А лучше всего старую песню, еще довоенную: «Все выше, и выше, и выше! Стремим мы полет наших птиц!» Есть что-то в ней такое... летящее, красивое! Так и видишь птиц, уносящихся в небеса!

Мне двадцать девять лет, и у меня все хорошо! Хорошо идет служба. Как говорит Маша, я работаю Анискиным. Дома все хорошо, и вообще все отлично! Денег не очень-то и много, но нам на жизнь хватает. А работа мне даже нравится, хоть и говорят, что участковый — это самый что ни на есть неблагодарный участок фронта. Да, именно фронта — мы, участковые, на передовой! К нам ссылают проштрафившихся оперов, к нам идут бывшие военные, которым нужно где-то начинать свой карьерный взлет по ментовской взлетной дорожке. «Дальше фронта не пошлют — дальше участкового не отправят!»

Я оглядываюсь на жену, протягиваю к ней руку, и...
Удар! Смачный, хрустящий шлепок! Черный фургон пронесся мимо меня, снеся и Настюху и Машу, — черный, как сама смерть.

И я уже не смотрю — остановился он или нет, какая мне разница?! Я вижу только два комочка, две маленькие съезженные фигуры на асфальте — и больше ничего в мире. Весь мир для меня сосредоточился в этих двух фигурках!

И я кричу — страшно, дико, из самого нутра — криком умирающего зверя, криком человека, который только что лишился всего, что составляло суть его жизни. За одну секунду — всего!

И я просыпаюсь. И жду, когда ночной кошмар уйдет, оставив вместо себя отчаяние, одиночество и боль.

А потом иду на кухню — грязную, неубранную, достаю из холодильника бутылку водки, наливаю в граненый стакан, доставшийся от деда, и, стуча зубами по старому стеклу, пью. Пью — захлебываясь, вздрагивая от жгучей горечи.

И отпускает. Снова отпускает. Теперь — только чернота. Холодная, одинокая постель в неухоженной тихой квартире.

Глава 1

Я давно уже приучил себя вставать по внутреннему «будильнику». Не знаю, как это происходит в мозгу, но стоит мне с вечера представить себе циферблат будильника, время, в которое нужно встать, и... ап! Я просыпаюсь за десять минут до назначенного часа. Всегда — если, конечно, совсем уж не пьян и не валяюсь на полу в состоянии полного и категорического нокаута. И так бывает, да... чего уж греха таить.

Встал, пошел в ванную комнату, включил свет — из маленького окошечка над ванной свет поступал чисто условно, хотя за окном уже ярко светило солнце. Июнь!

В забрызганном пеной, заляпанном руками зеркале отразилась моя физиономия — опухшая, с глазами-щелочками, на голове черт знает что, не то сеновал, не то помойка. Эдак и до вшей можно дойти, не участковый, а бомж какой-то!

Пошел на кухню. Опасливо отстранившись от газовой колонки, разжег этот адский агрегат. Всегда боялся этого мерзкого изделия адептов сатаны — если не стену разнесет, взорвавшись, так когда-нибудь спалит твой несчастный скальп!

Не разнес. Не спалил. Теперь можно хоть как-то привести себя в порядок. Перегара, конечно, горя-

чая вода не уберет, но повышенную лохматость устранил.

Рубашка, конечно, уже не то что третьей свежести — четвертой! Но другой, увы, нет. Остальные еще хуже.

Быстренько застирать засаленный воротник, замыть пятно от кетчупа на груди (не помню, что вчера жрал, но из этой штуки определенно текла «кровь гамбургера»), потом утюгом по мокрому, пар, шипение — и вот я уже новенький, как только что отчеканенный пятирублевик!

Включил телик — пока отглаживал брюки, смотрел новости. Ничего хорошего не увидел. Разгул преступности... падение доходов... бла-бла-бла...

Реформаторы хреновы! Губошлепы! Только и можете что шлепать своими толстыми мокрыми губищами и вещать о том, как хорошо нам будет при рыночной экономике, особенно после того, как правительство выполнит ваши дурацкие планы! Ох, Сталина на вас нет! Как говаривал покойный дед, в квартире которого сейчас я и живу. Ах, дед, дед... может, и хорошо, что ты не дожил до такого дерьма! С твоей-то и бабушкиной пенсией!

1994 год на дворе. Опять грохнули какого-то нефтяного магната — все стоят на ушах! Хорошо, что я не нефтяной магнат и взять у меня нечего — кроме грязных носков. Но они вряд ли кому-то подойдут по причине совершенной своей отвратности. Нет, а какими им быть, если ходил в них целый день по жаре? Какой-то идиот придумал, что ходить участковый должен только в черных форменных ботинках, и никак иначе! Надеть бы на него эти ботинки и как следует погонять! Узнал бы тогда, каков он, горький ментовский хлеб!

Да, горький! А что смешного-то? Попробуй по-

таскай этот дурацкий дипломат, набитый кучей бумаг, — небось взвоешь! А на каждую бумагу в десятидневный срок нужно дать ответ. Прикрыть зад хорошей бумажкой — это главное в работе участкового. А еще — отбиться от толпы заявителей. Впрочем, частенько это одно и то же.

Завтракать не стал. Разве можно назвать завтраком выпивание двух сырых яиц? Да и те просто заставил себя выпить — есть не хотелось. Водка, я читал, она жутко калорийная! И если выжрать ночью целый стакан, хватит этого ночного «завтрака» до самого обеда.

Ох и тащит же перегаром! Во рту эскадрон гусар летучих ночевал. И десять ассенизаторов на «газонах». Хм... а во времена гусар были ассенизаторы? Нет, на «газонах» точно не было, а на лошадях — были. Золотари назывались.

Закрыл на ключ дверь, довольно-таки хлипкую, фанерную, и потащился по лестнице, пыльной, можно сказать — грязной. Времена такие — все пыльное, грязное, все какое-то... рваное. Вся страна такая. Рвут ее стаи больших и маленьких стервятников, рвут и никак нажраться не могут! Загадили всю, вымазали в дерьме, и просвета не видать. Народ голодный, озлобленный. В квартиру звонишь, так черта с два откроют — будут через глазок изучать не менее получаса, а потом мерзким каркающим голосом сообщат, что милицию они не вызвали, а потому я могу идти стороной, пока настоящую милицию они не вызвали. Рожа у меня такая, что ли? Вроде и бреюсь, и стрижусь стараюсь... Ну да, уже немного оброс, но не до такой же степени, чтобы принять меня за бандита?! Кроме того, бандиты в большинстве своем вообще лысыми ходят. И как одеты? Они в кожаных куртках, в

трениках «типадидас», а я-то в форме, в конце-то концов! Идиоты... Да, это не Анискин, совсем не Анискин!

На меня накатила волна тоски, тяжелой, захлестывающей, как поток нечистот, вырвавшихся из переполненной канализационной трубы. У меня даже в глазах потемнело.

И потому я чуть не пропустил сидящую у подъезда бабу Маню, бабульку тихую, беззлобную, достойную моего монаршего внимания. В отличие от остальной компании бабок, настороженно вперившихся в меня своими альфа-лучами, а не взглядами.

Мерзавки! Но полезные мерзавки. Делать им не хрен, так они сидят у подъезда и следят за окрестностями. А потом радостно докладывают участковому: кто куда пошел, кто, сволочь, нажился на народном горе и кто честный человек — каких, впрочем, в их понимании очень мало. Потому что время такое!

Не эти бабки, другие — на моем участке. Где я царь и бог. Пока не окажусь на ковре у начальства. Вот там я тварь дрожащая и права не имею. Потому что показатели у меня слабые: протоколов по пьянке мало составил, по «хулиганке» — тоже. Только говорить о том, что невозможно устроить массовый геноцид хулиганов, не стоит, потому что убойный аргумент начальства: «Я сейчас возьму тебя за руку, поведу к ближайшему пивному ларьку и за пять минут найду десять мелких хулиганов! Что, никто не ругается матом, что ли?! Ты, Каргин, просто работать не хочешь! А не хочешь — так иди в народное хозяйство, там лишние руки не мешают! Можешь на стройке кирпичи таскать! Можешь говно ведрами черпать! Ты все можешь! У тебя руки-то золотые! Только дай работу!»

М-да. Пока шагал к остановке, задумался — а правда, вот вышибут меня в конце концов за пьянку, куда пойду? Что я умею? Технологом, по специальности? На завод? Так заводы стоят! Там зарплату не выплачивают месяцами, а то и годами! На стройку? Там своих хватает. Да и не по чину мне, белой кости, таскать кирпичи и мешать раствор. Не для того я на свет народился! Тогда кем? Ну что я умею?

Умею составлять правильные бумаги. Из меня вышел бы хороший адвокат, будь у меня юридическое образование. Я и в суде хорошо работаю, и расследование учиню не хуже бывалого опера. Опыта хватает — три года в ментовке, участковым, всего насмотрелся!

Участковый — это вообще-то нечто среднее между опером и дознавателем. Орган дознания, можно сказать. Могу следствие учинять, могу... ничего не учинять.

Опять мысль куда-то ушла... итак, что я умею делать? Стрелять. Все-таки мастер спорта по пулевой стрельбе (спасибо покойному отцу). Бегать могу. Хм... мог. Сейчас, пробеги я хоть километр, наверное, сдохну, хоть и не курю.

Дыхалки нет! Какая дыхалка, если год уже бухаю?! Ну... почти год. С тех пор как узнал решение суда — бухаю. Каждый день. Каждый! Сколько денег пробухал — самому страшно. Все запасы, все, что копил годами. Впрочем, а на кого мне теперь тратиться? Мои любимые, мои дорогие лежат в могилке. А мне... мне ничего не надо. Одежду государство дает. Обувь — тоже. И зарплату — вполне приличную для одинокого непритязательного вдовца. Жажнешь стакан, и отпускают ночные кошмары, и забываешь ты о том, что снова ляжешь в холодную постель, в тихой... мертвой квартире. И живешь вот

так — с утра и до вечера, ждешь, когда сможешь прийти и присосаться к заветному стакану. Алкаш я уже, точно. Без водки — никак. И работать мне осталось в органах — хрен да маленько. Как ни лояльно относятся к участковым, которых вечно не хватает. И которых дальше фронта не пошлешь — система не терпит, если кто-то переходит прочерченную ею черту. Бухают все — в нашей работе нельзя не бухать. Свихнешься. Но «знают меру». То есть на дороге пьяными почти не валяются и проблем начальству своим гнусным видом не создают.

Здоровенный автобус вздохнул пневматическими тормозами, заскрипел древней дверью, принимая в свое пахнущее солярой и застарелой грязью нутро толпу осатанелых людей, спешащих на постылую работу. Все-таки парадокс: зарплаты задерживают, кидают с деньгами почему зря, а люди рвутся работать так, будто это последняя работа в их несчастной жизни! Казалось бы: не платят — пошли они на хрен! Не приходи! Не работай! А они едут... и работают, работают до упада. Поддерживаемые лишь одной надеждой, синие от недоедания.

Проклятая страна! Ну что ты с нами делаешь?! Эх... ну почему у меня в родне нет ни одного хоть завалищенького еврея? Или немца? Свалил бы отсюда к чертовой матери!

Только не надо плевать мне в глаза за непатриотизм! Если страна меня не любит — за что я должен любить ее?! За грязь? За обман? За политических губошлепов, каждый день с экрана рассказывающих мне, как я замечательно живу и как буду жить еще лучше?! Пропади все пропадом! Эта страна не смогла даже наказать убийцу! Убийцу моих любимых Машульки и Настеньки! Эту мразь! Год коло-

нии-поселения за то, что убил двух человек! Это как? Мол, переходили дорогу не на переходе, а рядом, а значит — сами прыгнули под фургон! Но я-то был с ними! Мы шли по переходу, на зеленый свет!

Почему мои слова не приняли в расчет?! Почему мне, милиционеру, не поверили, а поверили этим мразям, дружкам-бандитам? Судья был куплен, точно. Уверен в этом, но попробуй докажи! Ехали братки на стрелку, а... «Дорогу переходят какие-то лохи. Думал — успею! И не успел. Да пох! Откупимся!»

Рожа этой мрази была довольная, улыбающаяся. Скорее всего, он и дня не провел в колонии. Денег дали — и числится по месту отбывания. А сам ходит по городу, девок щупает, водку хлещет! Где справедливость, Бог?! Где?!

У государства я и не спрашиваю. Оно не знает, что такое справедливость. Для него — курс рубля. К доллару. К фунту. Ну и к остальным буржуйским валютам!

Вот я и начал пить. Чтобы больше не стоял в глазах черный фургон, убивающий мою семью.

Чтобы не видеть разгуливающих по улицам мразей, которым дали на откуп страну, мою страну, которой гордился, которую любил!

Да, «любил»! В прошедшем времени! Только не надо трепать языком про Родину, которая... бла-бла-бла... Родина для меня — это лесок, в котором я собирал грузди! Степь, которой я дышал и не мог насытиться! Запах реки и вкус чая с душицей, спина отца, когда мы спали возле костра на рыбалке, накрывшись непромокаемым пологом. Вот что такое Родина! А не эта мразь, которая пришла к власти и которую я ненавижу каждой стружкой своей подышающей в муках души!

— Ты платить-то будешь? — прервал мои мысли водитель, с ненавистью глядя на меня маленькими свинячьими глазками. — Или формой прикроешься? Теперь не совок! Теперь и мусора платить должны!

Я сунул руку в карман, нащупал деньги, вынул, отсчитал нужную сумму. Легким движением бросил мелочь на деревянный ящичек, какие стоят у всех автобусников. Водитель что-то хотел сказать, но, видимо, что-то разглядел в моих глазах, потому что резко заткнулся и даже подался назад, к открытому по случаю летнего времени окну. И тогда я вышел, негнушимаися ногами ступая по ступенькам автобуса. Вслед полетело: «Развели мусорню! Дармоедов этих!» Но я оборачиваться не стал. Потому что, если обернусь, тогда уже все. Конец. Всему конец. Работе, свободной жизни, и вообще самой жизни. Потому что из колонии, я это точно знал, не выйду. Сдохну там. Вот была у меня такая уверенность: сдохну, если попаду в колонию, и все тут!

Меня трясло, пальцы сжаты в кулаки, и мой пластиковый дипломат казался легким, как пушинка, — столько адреналина выплеснулось мне в кровь.

Ох, неладно со мной! Совсем неладно! Только вот даже заикаться о том, что со мной происходит, нельзя. Я никому не имею права признаваться в этом. Ни-ко-му! Почему? Потому что ментовка — это такая контора, в которой все покруче, чем в курятнике. Закон курятника: «Клюнь ближнего, обосри нижнего и залезь на верхний насест!»

Паша Пыхтин, приятель из вневедомственной охраны, как-то мне сказал, что у себя в отделе ни с кем нельзя дружить, никому нельзя изливать душу и вообще нельзя высовываться. О тебе должно сложиться впечатление как о дельном, исполнительном и недалеком служаке, интересующемся только

службой и больше ничем. Как только заведешь дружбу, как только найдешь себе «верных друзей» из числа сослуживцев — тут тебе и конец.

Ведь оно как бывает — как минимум один из десяти твоих сослуживцев состоит на связи у «соседей», «освещающая» всю работу райотдела, и что характерно — зная, что он здесь такой не один, все события описывает еще и другой агент, так что соврать — это себе дороже.

Как надо себя вести на службе? Смотри в глаза начальству и повторяй: «Бу сделано! Бу сделано! Бу сделано!» И... не делай! Мало ли что они там напридумывают! Хорошая бумага должна вылежаться!

Конечно, Паша преувеличивал, и я ему не верил — хотя он прослужил в органах гораздо дольше меня. Десять лет против трех моих. Утрированно, да. Но сермяжная правда в его словах была, она же посконная, она же ментовская. Это я начал понимать буквально в первые месяцы службы в отделе.

Зачем я пошел работать участковым? Ответ банальный и тривиальный. И даже глупый. Из-за квартиры. Тогда началась болтовня о том, что участковым надо приподнять во всех отношениях — и в моральном, и в финансовом. И в квартирном, само собой. Мол, начнем давать им квартиры, и в участковые народ поперет. А что, логика была, народ попер. Я же попер? Ну и вот. Само собой — с квартирами всех киданули, и, если бы не смерть моих дед и бабушки, я остался бы на бобах. Жили бы мы у тещи на квартире, когда даже потрахаться как следует нельзя: теща посреди ночи идет посмотреть, как спится нашей дочурке, и, само собой, вламывается в комнату в самый неподходящий момент. Если бы не дед, в квартире которого я был прописан с самого детства, — труба дело.